

49. Сказка про нужного и про богатого.

Нé въ которомъ царевнѣ, нé въ которомъ государствѣ, имянно въ томъ, въ которомъ мы живёмъ, на ровномъ мистѣ, какъ на боронѣ, жило два брата. Одинъ жилъ нѣжной, а другой былъ оцнѣ богатой. У богатого не было дѣтей, а у нужного былъ сынъ. Богатой у нужного сталъ просить этого сына, говоритъ: „братъ, пожалуста, уволь ты мнѣ этого сына на годъ“. Енъ говоритъ: „нѣтъ, я даромъ не уволю“.—„Дакъ што же ты за ёго просить станешь?“ Ёнъ 300 руб. денёгъ запросилъ. Тотъ потомъ 300 р. денёгъ далъ. Ёны и собирающе ѣхатъ за границу и уѣхали. Ёхали ёны долго ли коротко, близко ли далёко, сонця не знаютъ—низко ли высоко; покрай моря увидали фатеру, околъ ей какъ садъ! Въ эвтомъ саду всяки разные птици и веселье тако, какъ жаръ горитъ. Ёны и заходя въ эвту фатеру. Тутъ старицекъ ихъ стратилъ и говоритъ: „фу, фу, фу, русскимъ духомъ пахне. Слыхомъ не слыхано, видомъ не видано—русская тварь ко мнѣ въ домъ пристуцать, миня съ дому выживатъ“.—„Нѣтъ, дѣдушко, мы тибя съ дому не выживаемъ, ты насъ напой, накорми да спать положи“. Дѣдушко налайлъ ихъ и говоритъ: „куды вы идете, въ каки въ края и въ каки въ страны?“ Ёму отвицяютъ: „идёмъ мы за границу“. Старикъ этого сына Ванюшку и облюбовалъ, сталъ этого Ванюшку енъ звать къ себѣ: што этотъ Ванюшка былъ оцнѣ красивъ и проворой. Прилюбилосе Ванюшки ёго житѣе, што не тамъ, не здѣ, не подъ солнышкомъ—негдѣ такой красоты нѣту, енъ и согласилсе. Рядилъ онъ за сибя 500 р. Эты денѣжки енъ съ дядѣй послалъ роднымъ, самъ осталсе у ёго на годъ. Дѣдушко ёго всякими разныма весельямы углаждалъ: енъ ёго водилъ за охвотой, научилъ ёго на скрыпкахъ играть и на всякихъ музыкахъ. Прожилъ Ванюшка годъ, годъ концаецце, время къ строку приближаецце, енъ затымъ и говоритъ: „Ванюшка, намъ бы съиздѣть за границу съ тобой“, и стали ёны собирацце. Поѣхали. Жили ёны тамъ долго ли, коротко ли, близко ли далёко—самы не знаютъ. Приѣждяють край синёго моря, становя ёны свой караб(л)ь на крутой бережокъ, на жёлтой песокъ; и потомъ ёны розложилисе спать, и говоритъ дѣдушко Ванюшки: „спи крѣпко, покуль бу-

дить не стану“. Ёнъ и спитъ самъ себѣ приспокойно. Сидясь налетаетъ птица орёлъ и овернула его сырой кожей, здынула его на золотую гору. Затымъ ёнъ на горы то на этой профатилсе и говорить: „какже сюды то я попалъ, дѣдушко?“—„А вольнимъ воздухомъ занесло“.—„А што же мнѣ здѣ дѣлать?“—„А пѣхай золото да гребь сюды на берегъ“. Ёнъ нагребъ цѣлой карапъ, дѣдушко и отцялилъ карапъ, а ёнъ и спрашивать: „дѣдушко, я то отсеюль какъ?“—„А много васъ туды захо(д)ить, да мало выхоить“. Ёнъ и осталсе на горы круцинѣнъ, пецялѣнъ, хо(д)илъ да былъ, хоилъ да былъ на горы и увидалъ ёнъ одинъ кус(т)ъ, называецце золота верба; подъ этимъ кустомъ, гляить, е нора. Ёнъ самъ себѣ и думать: „дай ко я полѣзу въ эфту нору“, и поплылъ туды, што глубже иде, то дорога шире. Ёнъ сидясь шёлъ былъ, шёлъ былъ, не знае сколько время. Прихоить — опять стоитъ садъ; въ эфтомъ саду всякого разного украшенья е, и смотрить, тамъ сидить опять дѣдушко и бае: „фу, фу, фу! сидѣлъ я кольки лѣтъ, кольки зимъ, а слыхомъ не слыхано здѣ русскаго духу было, надо его же съисъ“. Ёнъ ему и отвицяе: „здрасвуй, дѣдушко, не спѣшисъ ты йисъ миня, дай мнѣ сисъ да розска- зывать, а ты изволь у мяя порозспрашивать: сколько я свѣту не ѳждаля, нехто миня живкомъ не съѣдалъ“. За- тымъ ёнъ и бае: „пойдемъ же, Ванюшка, въ избу; я тибя напою, накормлю и накруцю, какъ мнѣ надо, ды выуцю“. Ёны жили тамъ долго ли коротко, ёнъ сталъ круцин- ной и пецяльней—этотъ Ваюшка. Дѣдушко и спрашивать: „въ цемъ же ты, Ванюшка, круцинной, пецяльней“. Ёнъ и бае ему: „нѣтъ ли, дѣдушко, оружья, схоить бы мнѣ за офотой, розогнать тоску?“ Далъ ему оружье и отправляе ды наказывать: „какъ выдешъ на берѣжокъ, на желтой пе- сокъ, дакъ прилетя три лебеди, вси въ розноцвѣтныхъ платьяхъ, ты не стрилай въ ихъ, а стой за кустамъ, смотри, какъ ёны стануть роздевацце. А ты бери платье не само- луццѣ, а среднѣ“.—Ёнъ и взялъ это платье и пошѣлъ самъ себѣ приспокойно; прихоить къ дѣдушку и говорить: „куды же мнѣ это платье?“—„Ты клаи его въ коробейку, а самъ пой на берѣкъ ды стань за кусъ, ды стой, слухай; какъ ёны— эты лебеди прилетя на берѣкъ, повернуцце красныма диви- цямы да двѣ лебеди надѣнуцце, а третья буетъ въ одной ру-

башки да какъ эта стане молице: „ежели красна дивиця мое платье обрядила, дакъ пусть буе моя сестриця, я пойду, тибя всобой возьму; а ежели стала старушка, дакъ пусь моя бабушка, а ежели старый старицекъ—пусь мой дѣдушко; а ежели молодой молодець—пусь мой богосуженой“. Ёнъ и выде съ-за куста: „я тутъ и е“. Ена и стане ёму молице: „отдай ты мое платье“.—„Нѣтъ у меня платья всобой, у меня обрядилъ дѣлушко, а пойдёмъ такъ“. Приходя ёны и здоровкающе съ дѣдушкомъ: „здравствуешь, дѣдушко?“—„Охъ, жилъ я одинсѣ, а нынѣ Богъ вмѣсто одного и внуку мнѣ далъ“. Ваюшка далъ, далъ своей богосуженой на платье ситцу какой ни, а цвѣтного ейного платья всё не отдава. Ёны жили весело, а потомъ Ваюшка закручинилсѣ, сталъ висить свою буйную голову, а дѣдушко и спрашава: „цѣго ты кручиниссе, пецялиссе?“—„А потому, што какъ бы съиздить мнѣ въ свою родину“.—„А цѣго ѣхать въ свою родину“.—„А провѣдать родныхъ—я давны годы ихъ забылъ“.—„А справляйсе же, Ванюшка!“ Далъ дѣдушко Ванюшки санки-самокатки, коня-самолѣта, и поѣхали. Спустились ёны церезъ синей морѣ выше лѣсу стояцѣго, ниже оболоча ходяцѣго и приѣхали въ берѣкъ въ свою родину. Ёхали ёны берѣгомъ по борамъ, по оргамъ, переѣждяли ёны боры дремуци, болота зыбуци, примцилсе доброй конь противъ маленькой хаты; ёны выходя съ санокъ-самокатокъ. Мать въ окошки ихъ увидала и сына своего спознала, выхотъ ихъ стрѣтать. „Здравствуй, мамушка!“—„Здорово, Ванюшка!“ Приходя въ фатеру, мать и плаце: „сколько лѣтъ-зимъ тибя не видала“, на невѣску смотрить—невѣска у ей дакъ всеруссѣйска красавиця, што не тамъ, не здѣ, негдѣ такой нѣтъ не подъ солнышкомъ. Въ тое время у ёго крѣсного—которой ёго отвезъ—собрасѣ (такъ) перъ, и пришелъ этой крѣсной, ёго позвалъ на перъ, а жѣны то и не позвалъ. Ванюшка одинъ и пошелъ. Невѣска свекровы и говорить: „не то я, мама, хороша, што въ эфтомъ платьи, а то я хороша, кабы была въ цвѣтномъ платьи“. „Дакъ ты же, дитятко, надѣже“. „Я бы давно ёго одѣла, да ёго у меня нѣту“.—„Да гдѣ же у тя, Манюшка?“—„А у твоего сына ёно въ коробейки“.—„А гдѣ у ёго ключъ?“—„А ёнъ носилъ всё въ старыхъ штанахъ“. Мать штаны сыще, ключъ достане и коробейку отомне, выне ей цвѣтно платье.

а ена и одѣнецце ды говорить: „любуй, мама!“ Мама любовала да была вышла въ сини, а ена пласью пала, лебедемъ повернулась ды такова и была. Прихоить Ванюшка съ перу съ того, спрашиваетъ: „а же, мама, гдѣ же моя Маня?“—„О, дитя рожено, улетѣла лебедемъ“. Сицясъ сѣлъ Ваня насвоего улѣта — доброго коня и поѣхавъ къ дѣдушку, розказалъ ему всё, а тотъ и говорить: „вотъ тебѣ, Ваня, колода картъ, ключъ и замокъ, шило и молотокъ, може пригодяще“. И поѣхалъ Ваня за синее море къ своей Марьюшки. Тамъ ему Марьюшки не дали заразы, а ежели ентъ сдѣла, што веля, дакъ полуцитъ, а ежели не сдѣла — голова долой. Велили ему обрядице трожды въ волшебномъ доми такъ, штобы его немошно было найти. Закручинилсѣ Ваня: вездѣ было свѣтло, куды денессе, да спомнилъ ентъ про карты, потасовалъ ихъ. Вдрукъ розступилсѣ камень, Ваня туды и сѣлъ. Волшебники взяли свои книги, вси гадали-искали Ваню, не могли найти, послидня Марьюшка нашла; дрўгой разъ Ваню поднялъ въ небо орелъ-птиця въ своихъ коктахъ, опять его богосужона нашла; третей разъ ентъ поколотилъ по каменю молоткомъ о шило, явилсе левъ-звирь и закопалъ его за дворъ подъ дѣръ, и тамъ его Марьюшка нашла. Закручинилсѣ Ваня, а Марьюшка та и вели ему обрядице ище въ доми въ средней комбаты за зеркало. Искали да были волшебники — не можуть найти. Топерь только Ванюшка полуцилъ свою Марьюшку, и ены сицясъ цѣснымъ церкомъ да и за свадѣбку. Я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по губамъ текло, въ ротъ не попало. *Присказка.* Тамъ дали мнѣ красну шапку, синь кафтанъ, цѣрны рукавици, козловы(вы) сапоги, дали ледяну кобылу, горохову плетку, а рѣпно сиделко. Ъхалъ, ѣхалъ — ворона сидитъ на огородахъ и крычить: красна шапка, я думаю — крашена шапка, — сопротивилсѣ и кинулъ; ена — синь кафтанъ, а я — што скинь кафтанъ, взялъ да и кинулъ; ена — цѣрны рукавици, а я думалъ цѣрцовы, опять и кинулъ; ена — козловы сапоги, а я — козляцѣи сапоги, ну крѣпки; взялъ да и бросилъ. Подѣждяю къ селенью — увидалъ пожаръ, пошелъ туды, поставилъ кобылку близко къ жару, а пока въ пожарѣ былъ, той-порой кобыла растаяла, рѣпно сидѣлко бабы росфатали, а горохову плетку робята рѣстаскали, и осталсѣ я просъ матросъ гонять козъ, голъ, какъ обтоцѣнъ.